

В Восточном королевском дворце всегда была отличная звукоизоляция. Однако Хань Мин не закрывал на ночь окно, чтобы его попугай мог беспрепятственно летать туда-сюда, так что разыгравшуюся на крыше драму он слышал до единого слова.

Что тут скажешь? Хань Мин уже устал повторять про себя одну и ту же мысль: упорству Ань Ина можно было только позавидовать.

Днём этот «главный герой» потерпел сокрушительное фиаско в его кабинете, а уже ночью, как ни в чём не бывало, ринулся штурмовать новую, куда более неприступную вершину. Подобная стойкость — биться лбом о стену с неослабевающим энтузиазмом — заслуживала уважения.

При этом Ань Ин действовал вовсе не наобум.

Целый месяц он тихо выжидал в Восточном королевском дворце, усыпляя бдительность окружающих и завоёвывая доверие своим «Обаянием». А стоило ему почуять, что Хань Мин заинтересовался его способностями, как он тут же осмелел и решил применить их на Лин Чжоу.

Терпение, ум, хватка — у Ань Ина было всё.

Ему недоставало лишь толики везения и элементарной проницательности. Надо же было умудриться выбрать цели, одна другой безнадежнее.

Ладно Дун Яо, ладно сам Хань Мин, но попытаться соблазнить Лин Чжоу?

Потрясающая слепота.

Даже со стопроцентной гарантией «Очарования» невозможно совладать с тем, кто в принципе лишён эмоций.

Хань Мин взглянул на экран коммуникатора, где светилось пространное пожелание доброй ночи от Воли Вселенной.

Пожалуй, Лин Чжоу удивлял не меньше Ань Ина. Найти время посреди ночной суматохи, чтобы накатать целую простыню текста ни о чём — это тоже надо уметь.

Хань Мин вздохнул, утомлённый бесконечной чередой интриг. Ему изрядно приелись эти вечные игры разума и взаимные подозрения.

«Пощадите... Когда уже закончится этот балаган?»

Ему всего-то нужно было завоевать доверие, но задача с каждым днём казалась всё более невыполнимой.

Раз уж лимит безумств на сегодня исчерпан, завтра Ань Ин, возможно, наконец-то затихнет.

С этой слабой надеждой он закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Хорошая новость заключалась в том, что на следующий день Ань Ин действительно вёл себя тише воды, ниже травы. Плохая — затишье продлилось ровно сутки.

Желая реабилитироваться после двух провалов кряду, Ань Ин с раннего утра заперся в тренировочном зале. Едва переступив порог, Хань Мин застал его за очередной изнурительной сессией — парень едва успел перевести дух, как уже готовился запустить вторую серию тестов.

Заметив вошедшего, Ань Ин услужливо улыбнулся:

— Ваши вчерашние слова заставили меня задуматься, господин Хань. Закончу здесь и пойду опробую силу на обычных животных. Вдруг и правда удастся открыть новые грани таланта? Если я смогу быть вам чем-то полезен, только скажите.

Хань Мин лишь неопределённо качнул головой, не зная, как реагировать на подобное рвение.

С одной стороны, Ань Ин бывал поразительно безрассуден, с другой — ему нельзя было отказать в поразительном чутье. Поняв, что его способность представляет для Хань Мина ценность, он мгновенно сообразил, как изящно замять вчерашний инцидент.

Собственно, Хань Мин и не собирался раздувать скандал из-за нелепой попытки обольщения. Если Ань Ин умерит пыл и сосредоточится на своих прямых обязанностях, то инцидент можно считать исчерпанным.

Что до двух других «жертв» — Дун Яо, похоже, всё устраивало, игра в кошки-мышки его забавляла. А Лин Чжоу...

Стоило Хань Мину скользнуть взглядом по фигуре Лин Чжоу, как тот сразу же, повинувшись привычке, обернулся.

В его бесстрастных золотых зрачках не было ни капли интереса к Ань Ину.

Впрочем, Хань Мин вообще сомневался, что это существо способно испытывать гнев.

Раз уж накануне Лин Чжоу спустил всё на тормозах, то и мстить вряд ли собирался.

Значит, негласный уговор оставался в силе.

Хань Мин надеялся, что после этого разговора во дворце наконец воцарится долгожданный покой.

Он и представить не мог, что всего через сутки маска ледяного спокойствия слетит с него самого.

— Гунчжу, что с твоим крылом?

Это случилось на следующий день после того, как Ань Ин усердно взялся за тренировки.

Вернувшись в спальню, Хань Мин насыпал в кормушку зерна и только тут заметил, что его попугай сидит на подоконнике и не спешит влетать в комнату.

Обычно этот пернатый обжора летел на зов быстрее пули, особенно если Хань Мин, как сегодня, баловал его спелыми яблоками. Но сейчас птица медлила. Хань Мин принялся: в воздухе едва уловимо пахло свежей кровью.

Этот запах он слишком хорошо выучил и в Северном секторе, и на полях сражений Восточного сектора. Зная упрямый и гордый нрав своего питомца, который при любой ране ошетикивался и никого не подпускал близко, Хань Мин не стал делать резких движений. Он просто взял ломтик яблока и подбросил его.

Попугай машинально метнулся в воздух, перехватывая лакомство на лету, и этого короткого мгновения Хань Мину хватило, чтобы рассмотреть глубокие ссадины и вырванные перья на внутренней стороне крыла.

Отсюда и взялся его вопрос.

Поняв, что маскировка провалилась, попугай злобно гаркнул: «Хитрый! Хитрый человечиска!», после чего принялся яростно клевать яблоко, безостановочно и обиженно жалуясь:

— На улице сегодня просто кошмар! Налетела целая прорва ястребов и соколов! Собрались в банду, нападают со спины, никакого кодекса чести! Я сидел себе спокойно, грелся на солнышке, а эти уроды набросились без всякой причины! Точно говорю — из зависти к моим прекрасным перьям! Но они не на того напали! Я великий боец, гроза всего Северного сектора! Думали, я им это спущу? Как бы не так!

Он заглотил очередной кусок яблока и продолжил вещать с набитым клювом:

— Короче, я устроил этим образинам знатную трёпку, всех раскидал. Но стоило мне приземлиться в саду, чтобы перевести дух, как из кустов выскочили облезлые кошки! Стали

бросаться, шипеть, чуть без хвоста не оставили! Ведь никогда раньше не смели на меня прыгать! Это что, бунт на корабле? Или тот двуногий, который их вечно подкармливает, подсыпал им какую-то отраву, раз они взбесились? Я, кстати, мельком видел, как он суетился неподалёку. Умный ворон вовремя отступает, так что я решил вернуться на базу. Вот набью брюхо и покажу этой шушере, кто здесь царь небес!

Хань Мин молча выслушивал эту пафосную тираду, внимательно осматривая птицу от хохолка до самого кончика хвоста.

Хотя Гунчжу перед возвращением явно пытался привести себя в порядок, при ярком комнатном свете ободранные белоснежные перья и налипшая грязь бросались в глаза.

За бахвальством скрывалась суровая реальность: под измятым оперением виднелись многочисленные порезы и запекшаяся кровь. Схватка была жестокой.

— Хань Мин! Ты чего завис? Лицо такое мрачное. Ты меня вообще слышишь? Или думаешь, я присочинил? Давай со мной, сам увидишь, как я их на перья пущу!

Пока попугай воинственно верещал, Хань Мин, сохраняя ледяное молчание, осторожно обрабатывал его раны. Он лишь тихо угукнул, давая понять, что слушает.

Убрав портативную медицинскую капсулу, он посмотрел на полностью восстановившуюся птицу и мягко произнёс:

— Я знаю, что ты у меня самый сильный. Ещё в Северном секторе я понял: второго такого волевого и бесстрашного попугая во всей Вселенной не сыскать. Поэтому у меня есть скромная просьба к непобедимому Гунчжу. Может, отложишь месть этим котам на пару часов и присмотришь за моими покоями? В Восточном королевском дворце сейчас слишком беспокойно, и ты единственный, кому я могу безоговорочно доверять.

Попугай уставился на Хань Мина своими чёрными глазками-бусинками. Окончательно обезоруженный ласковым тоном и лестью, он важно качнулся с лапы на лапу и снисходительно бросил:

— Ну ладно... уговорил. Только на один вечер! Завтра я устрою этим шерстяным тварям судный день.

Стоило Хань Мину закрыть за собой дверь спальни, как мягкость мгновенно сошла с его лица, уступив место мрачной решимости.

Шагнув в безмолвный коридор, он ровным, леденящим душу голосом спросил у следовавшего за ним Лин Чжоу:

— Скажи, в окрестностях Восточного королевского дворца много животных? Я имею в виду диких зверей.

Лин Чжоу уловил исходящую от него волну неподдельной ярости. Решив не играть в молчанку, Лин Чжоу спокойно ответил:

— Хватает. Но диких здесь почти нет — все ручные либо под наблюдением.

Услышав это, Хань Мин усмехнулся. Ему хватило секунды, чтобы восстановить картину произошедшего и вычислить виновника.

— Ань Ин... — процедил он сквозь зубы.

— Надо же, как я в нём ошибся. Точнее, переоценил его умственные способности.

В сентябре действительно начинается сезон миграции хищных птиц, и Гунчжу вполне мог случайно пересечься с перелётной стаей во время прогулки. Зная вздорный характер попугая, можно легко представить, как он ввязался в драку.

Но уличные коты?

Кошачьи стаи издавна обитали в закоулках дворцового парка. За то время, что они здесь жили, Гунчжу сотни раз опускался на газоны заднего двора, и коты его не трогали. Отношения у них были прохладными, но границы никто не нарушал.

И тут — сначала внезапный налёт ястребов, потом скоординированная атака кошачьей банды, да ещё и какой-то человек, маячивший на заднем плане.

Подобные совпадения случаются разве что в глупых сказках. Хань Мин в них не верил.

Всё указывало на то, что зверьми кто-то грубо управлял.

Какая ирония: он сам посоветовал Ань Ину потренироваться на мелкой фауне, чтобы набить руку перед работой с опасными тварями.

И вот как этот недотёпа решил применить совет на практике.

— Ты злишься из-за птицы, — констатировал Лин Чжоу. Его голос звучал ровно, но в глазах зажёгся огонёк любопытства.

Он вглядывался в лицо Хань Мина, пытаясь разгадать природу его гнева. Для него это было странно — испытывать столь сильные эмоции из-за обычного питомца.

Золотой ободок на радужке Хань Мина вспыхнул ярче, отражая бушевавшее внутри пламя. Лин

Чжоу опустил взгляд и упрямо повторил:

— Из-за того, что Ань Ин попытался подчинить твою птицу.

— Если ты не слепой, избавь меня от своих очевидных выводов, — отрезал Хань Мин.

Гунчжу обмолвился, что Ань Ин спешил к нему в разгар кошачьей атаки. Ясно, что дипломат не спасать его бежал. Он хотел воспользоваться беспомощностью птицы и наложить на неё своё «Очарование».

Ему мало было получить от ворот поворот трижды подряд? Теперь этот идиот решил отыгаться на невинном попугае?

— Похоже, я слишком долго притворялся добреньким, — негромко произнёс Хань Мин после долгой паузы.

В его голосе не было вопросительных интонаций. Он принял решение.

Когда покушались на него самого, Хань Мин пропускал это мимо ушей — он всё равно не планировал задерживаться в Восточном секторе. Но тронуть его птицу?

Перед глазами невольно промелькнули картины их первой встречи.

Тогда ему было всего семь лет.

Слабый ребёнок, лишённый всякой поддержки, он балансировал на грани жизни и смерти. В приюте Северного сектора никто и не думал видеть в нём грозного «Врождённого помощника» — он был лишь очередным сиротой, борющимся за жалкое существование.

Не желая больше влачить это бессмысленное существование, он собрал в кулак остатки храбрости и совершил безумный поступок — влез в логово безжалостного убийцы, заняв место его очередной жертвы. Хань Мин вёл со смертоносным хищником долгую игру на выживание, сумел перехитрить его и стал единственным, кто вышел из той бойни живым.

Именно чужая жажда растерзать его, доведённая до абсолюта, пробудила в его теле талант «Предчувствие опасности». Этот дар и помог ему закрепиться в Северном секторе.

И той самой ночью, когда окровавленный семилетний Хань Мин из последних сил полз прочь от труп маньяка, он и наткнулся на растерзанного попугая.

Жалкий, грязный комок перьев дрался с жирными помойными воронами за кусок гнилого мяса у мусорного бака.

Если бы не торчащий дыбом хохолок, в этом ободранном бёсе невозможно было бы признать благородную птицу.

Попугай одолел ворон, но и сам испустил дух прямо на глазах мальчика.

Чёрные птицы кружили над ним, чуя запах гниющей плоти, и ждали лишь секунды, когда добыча перестанет дёргаться, чтобы разорвать её на части.

Сам едва живой, Хань Мин укрылся в заброшенной лачуге над помойкой и безучастно наблюдал за дракой сквозь щель в разбитом окне.

Но птица не сдавалась. Хрипло, истошно вереща, она в последний раз клюнула подлетевшую ворону, взмахнула перебитыми крыльями и упрямо, из последних сил, рванулась вверх. Стукнувшись в его окно, попугай бессильно сполз по стеклу. И тогда Хань Мин протянул испачканную в чужой крови руку и выпустил его.

Оказавшись в тепле, попугай закричал — громко, отчаянно, словно давая волю скопившимся слезам.

В то мгновение мальчик понял: этот замученный комок перьев станет его Гунчжу. Он увидел в отважной птице самого себя.

Разница была лишь в том, что попугай не обладал врождённым талантом, да и Хань Мин, в отличие от него, давно разучился плакать.

Но это не играло роли. С того дня Хань Мин поклялся, что сделает всё, лишь бы эта птица никогда больше не страдала.

Так же, как он поклялся никогда больше не проявлять собственной слабости.

Так как же этот выскочка Ань Ин посмел покуситься на самое дорогое?

Дипломатия и уступки — явно не его методы.

Раз деликатность Восточного сектора не приносит плодов, пора вспомнить суровые законы Северного сектора. Но сначала...

Вспомнив о странном покровительстве Дун Яо над дипломатом, Хань Мин нахмурился и уверенным шагом направился в Главный зал Восточного королевского дворца.